

Нина Релина

Нина Валерьяновна Релина родилась в старинном уральском городе Реж. В июле 1941 года со студенческой скамьи ушла в армию. Радист первого класса, помощник командира взвода 87-го отдельного полка связи, она прошла дорогами войны от Москвы до Литвы. Победный май 1945 года встретила в Вильнюсе.

С 1962 года живет на Дальнем Востоке, с 1968-го — в Благовещенске. Последние годы много сил отдавала работе в областном совете ветеранов войны, в Благовещенском городском хоре ветеранов войны и труда. Нина Валерьяновна — почетный гражданин города Благовещенска. Много выступает с чтением своих стихов. Песни на стихи Нины Релиной поют не только на Амуре, но и на ее родном Урале. Недавно там, в Свердловске и Реже, в прекрасно изданных коллективных сборниках опубликованы ее большие поэтические подборки. В Благовещенске в 1998 году вышла ее книга стихов и песен «Признание в любви».

ЦВЕТОК ВОЙНЫ

В суровую военную годину
Танкист-гвардеец, башенный стрелок,
Прислал откуда-то с пути к Берлину
Снарядом вражьем вырванный цветок.

Был жаркий бой, и ниточкою тонкой
Казалась жизнь. А танк стальной горел.
Цветок на самом краешке воронки,
Беспомощный и нежный, уцелел.

Потом пришло письмо, что, мол, под Гдыней
Мы схоронили друга своего...
Цветок храню в альбоме и поныне,
А рядом — фотографию его.

Недолго прожил паренек на свете.
Он встретил смерть с оружием в руках,
Чтобы войны не знали наши дети,
Цветы цвели на всех материках.

СИДЯЩИЕ ПРИ ЗВУКАХ ГИМНА

Три воина, Три оставшихся солдата.
Один — разведчик. Шел от Сталинграда,
Закончил путь в поверженном Берлине.
Во сне в разведку ходит и поныне.

Второй — танкист. С умением и отвагой
Дрались танкисты под Орлом и Прагой.
И наших грозных танковых атак,
Как адского огня, боялся враг.

А третий... Он им в сыновья годится.
Ему не довелось с фашистом биться.
Его столкнули с вороньем душманьим
В печально памятном Афганистане.

На площади — парад. Вот грянул Гимн.
А эти трое, не в пример другим,
Сидят себе. Они под Гимн сидят.
И ордена на пиджаках блестят.

«Погибшим — слава!» — и гремит салют.
Но и теперь те трое не встают.
Они бы встали — да не их вина,
Что на троих нога всего одна.

Они — в колясках. Смотрят на парад,
А память о войне туманит взгляд.

В РОДИЛЬНОМ ДОМЕ

Родильный дом. Обычная больница.
Но в ней необычайное творится:
Сюда привозят не больных, — здоровых.
Встречают здесь рожденье жизней новых.

Так повелось с начала мирозданья,
Что человек рождается в страданье.
И как ни странно, но должна страдать
Дарительница новой жизни — мать.
... Вот в коридоре мечется одна.

Ей спать велят. Но где там? Не до сна!
Сказал ей кто-то: «В косях не рожают», —
Она в испуге косы расплетает,
Бежит по коридору вдоль палат,
И волосы волной за ней летят.

Другая быстро-быстро счет ведет:
Две сотни, три, потом наоборот,
И счетом этим боли усмиряет.
Но... снова схватка, — и опять считает.

Да, видно, так назвали не напрасно
При родах: «схватки» — как в бою.
Кто выдержит — узнает миг прекрасный
И в новой жизни жизнь продлит свою.

Я волю собираю и молчу.
Я стискиваю зубы, не кричу.
Сжимаю прутья у кровати вновь и вновь,
И на ладонях проступает кровь.

И вот одержана победа!..
Над кем победа? Над собой.
Но очень скоро — новый бой,
А говорят — пора обеда.

Какой обед? О чем там речь?
Мне б только силы убережь
До новой «схватки». С кем? Бог знает...
Тут кто-то рядом мужа прокликает.
Нет-нет! Ты так не говори!
Вдруг это повредит тому, кто там, внутри?
А там, в палате против нашей прямо,
Кричит одна истошно: «Мама! Мама!»
Ох, горюшко... Чего тут маму звать,
Когда седьмого уж пришла рожать.

А рядом, в светлом, узком коридоре,
Две женщины о чем-то громко спорят
И весело хохочут. Ну и ну!
Я их, по правде, не пойму.

Какие могут быть смешки и споры?
Сквозь слезы я смотрю на них с укором.
Ведь вы же женщины. Ну как не стыдно?
Нет ни сочувствия, ни жалости в груди!
Так больно мне. И так обидно...

И вдруг одна сказала: «Погоди,
Когда все главное оставишь позади,
Забудешь ты про муки и про боль —
И даже посмеешься над собой».

И верно: только дочку родила —
Шутить я начала. Такие вот дела.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Вечерние огни на улицах зажглись.
Мне показалось вдруг, что замирает жизнь:
Все реже звук шагов и сдержаннее речь,
Вечерние огни – пора любовных встреч.

Я улицей иду, как будто в первый раз.
Все кажется иным в притихший этот час:
Загадочней вода, таинственней кусты,
И в сумерках цветы – нездешней красоты.

Ты звезды мне сулил в волшебный этот час,
Меня ты одарил сияньем милых глаз.
Но вспыхнула заря – рассеялся туман...
Вечерние огни – оптический обман.

* * *

Сладко пахнет цветущий шиповник,
Долголетье кукушка сулит.
Ты не друг мне, не муж, не любовник.
Наш костер уж давно не горит.

А припомни те яркие встречи,
И тепло наших скрещенных рук,
И горячие, страстные речи...
Нам казалось, не будет разлук.

Годы шли. Позабыты свиданья.
Нет в душе ни тепла, ни огня.
Вдруг пришло небольшое посланье,
В нем признание, что любишь меня.

И гляжу я на почерк знакомый,
И читаю слова вновь и вновь.
Удивляюсь порыву такому.
Ну какая же это любовь?

Наше прошлое не возвратится,
Поезд наш мимо счастья прошел.
Был ты сильной, красивою птицей –
Но в полете, увы, не орел.

ЧТО С ТОБОЮ СЛУЧИЛОСЬ, РОССИЯ?

Мы уже ни во что не верим:
Ни в легенды про взорванный Курск,
Что в Чечне прекратятся потери,
Что рублевый поднимется курс.

Накидали лапши нам на уши,
Что страна, мол, идет на подъем.
А живется все хуже и хуже –
Не от счастья мы мухами мрем.

Зубоскалят над нашим прошлым,
Над талонами на колбасу...
Да, сегодня киоски и офисы
Разрослись, как поганки в лесу.

Только проку с того – кот заплакал.
И учитель, и врач, и студент
Не едят ваших импортных лакомств,
В основном лишь картошку да хлеб.

Разве павшие наши чаяли,
Что случится такое, Русь?
Захлестнули бедой и печальями,
Развалили великий Союз.

То, что кровью сынов завоевано,
Потом дедов и наших отцов, –
Все разграблено, все разворовано
Кучкой хищников-подлецов.

Ну откуда взялись эти грефы
И чубайсовско-коховский сброд?
Завладели и газом, и нефтью
И дурачат и власть, и народ.

Где станки заводские пели,
Где трудился рабочий люд, –
Там сегодня трактиры, бордели
На дрожжах воровских растут.

Мы в деревню недавно поехали...
Был там сильный, большой совхоз.
Путь отметил он добрыми вехами,
Год от года и креп, и рос.

И свиней там растили тыщами,
Создавая мясной запас.
А сегодня пустыми глазами
Все свиноводы смотрят на нас.

Не мычат во дворах буренки,
Не горланит задира-петух.
У приветливых бабок в избенке
Электрический свет потух.

По соседству печеным хлебом
Восхищались и стар и млад –
А сегодня лишь трубы в небе
У закрытой пекарни торчат.

А в совхозе по имени женщины
Были кролики, был и мед.
Ныне, с торной дорогой повенчаны,
Лишь хозяйки стоят у ворот,

Продают пирожки с капустой,
И печален «торговок» вид.
Что же делать, коль в доме пусто,
И мужик без работы сидит.

А проезжие, тоже не многие,
Покупают, бывает, порой.
А бывает, весь день у дороги
Простоят – и ни с чем домой.

Что с тобою случилось, Россия?
Почему допустила ты,
Что предатели, силы злые
Довели нас до нищеты?

Почему после страшной бойни
Ты сумела и выжить, и встать,
То, что было разбито, отстроить,
Даже в Космос пути открывать?

Где ты, русский народ отчаянный,
Почему ты безмолвно ждешь?
Неужели к заморским начальникам
На поклоны за доллар пойдешь?

Неужели подачки малые
От разора Россию спасут?
Распрямите же плечи усталые,
А предателей всех – под суд!

Пусть за наши страдания ответят.
И сегодня сказать не боюсь,
Что прекраснее нет на свете
Той страны, что зовется Русь.

Есть у нас и богатства, и силы,
Есть пути, по которым идти.
Только мы дорогую Россию
От гибели можем спасти.

ИЗ ЦИКЛА «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ УХОДЯЩЕГО СТОЛЕТИЯ»

МАРТ

Сыреет, мякнет под ногами снег.
В тени – еще зима. Уйти не хочет.
Но – выше солнце, дольше, ярче свет,
Сильнее запахи смолистых почек.

На солнцепеке – звонкая капель,
На горизонте чуть темнеют горы,
А слух уже поймал и птичью трель,
И ручейков веселых разговоры.

А ночью – холод, даже снегопад.
Непредсказуем женский месяц март.

ИЮЛЬ

Жара под сорок. Никнут травы.
Знать, север повернул на юг.
«Воды... Воды...» – шумят дубравы.
«Пи-и-ть!» – стонет жалобно канюк.

А солнце печью раскаленной
Палит, сжигает все вокруг:
Кусты на грядке помидорной,
Поля, покосы, нежный луг.

Сияет небо синим зонтом.
Нет даже облачка на нем.
Вдруг где-то там, за горизонтом,
Послышался неясный гром.

Потом над лесом засверкало
Клинком надломленным. Гроза

Загрохотала. И упала
На землю первая слеза.

Весь белый свет закрыла туча,
Холодный ветер потянул.
И хлынул дождь, густой, могучий,
И все слилось в единый гул.

Но вот утихло... Посевает
Веселый дождик на поля.
Ну, значит, будем с урожаем.
И дышит радостью земля.

ДЕКАБРЬ

Утро стылое. С безоблачных небес
Солнце золотит реку и рощу.
Лес – как белокаменный дворец.
Дышится уверенней и проще.

Словно сброшен груз забот, обид,
Позабыты горечи, обманы.
Под ногами свежий снег скрипит.
Первый холод, первые бураны...

Входишь в лес, как в снеговой чертог,
В царские палаты Берендея,
И подводишь годовой итог,
Ни о чем ушедшем не жалея.

Виктор Волчков

Виктор Волчков родился недалеко от станции Сиваки, в лесозаготовительном поселке, которого уже нет на карте. В качестве компенсации за утрату малой родины Виктор Егорович сделал своим родным домом все севера Амурской области и Якутию в придачу. Окончив Благовещенское речное училище, он работал капитаном-механиком в Колымо-Индибирском речном пароходстве. Но, видимо, в капитанской рубке ему бродяжьего ветру не хватало. И он выучился на геолога в Якутском университете. Да тут его сманила редакция газеты «Молодежь Якутии». Потом долгое время был собкором «Амурской правды» по Зейскому району. Работая журналистом, он был и остается по сей день охотником, рыбаком, альпинистом, краеведом – в общем, это человек с шилом... Ну, детали опустим.

Когда успеваешь писать – непонятно. Тем не менее печатался не только у нас в «Приамурье», но и в сборнике рассказов «В пути» (Якутское книжное издательство), в альманахе «Дальневосточные путешествия и приключения», в журнале «Дальний Восток». Опубликовал пять книг очерково-краеведческого характера. Ищет спонсора, чтобы напечатать сборник рассказов «Медвежья субординация», четыре рассказа из которого мы и предлагаем вашему вниманию.

Рассказы

ОЛЕСЯ И ЧЕТЫРЕ МЕДВЕДЯ

Место для стоянки мы выбрали у подножия довольно крутой, спустившейся к самой речке Тыгде, сопки. Она вся была в соснах: стройных, высоченных, какие принято называть мачтовыми или корабельными. Правда, дров в таких чистых местах всегда маловато. Но ничего, успокаивали сами себя мы, какую-нибудь сухостоину неподалеку все равно отыщем! Вскоре вспыхнул костер, вкусно запахло ухой, свежесваренным чаем. И сразу же после ужина, уже всерьез, взялись за заготовку дров – ночь обещала выдаться холодной.

Глухо раздались в притихшей осенней тайге удары топора. И, словно откликаясь на них, с противоположного берега реки, из глубины леса, донесся собачий лай. Отчетливо различались два голоса: один низкий и хриплый – матерой собаки, другой позвонче – помоложе. «Откуда здесь взяться собакам?» У костра мы принялись разглядывать карту. До ближайшего поселка не меньше сотни километров. Может, это остановились на ночлег охотники? Но утиная охота уже закончилась, а на боровую дичь – не началась. И какой им смысл табориться вдали от речки?.. Так и не получив ответа на эти вопросы, у костра

и уснули. И всю ночь то и дело слышался лай собак, которые наверняка чуяли наше присутствие.

Проснулись вместе с солнцем. Попили чаю, собрались и, не мешкая, оттолкнулись от берега. Путь предстоял неблизкий, а десятидневный спуск на «резинке» по этой таежной речушке уже начал надоедать. Примерно через час подплыли к заброшенному поселку лесозаготовителей Усть-Тыгде. Лес в этих краях валили на протяжении полувека, в годы интервенции здесь одно время хозяйничали японцы. От интенсивных лесозаготовок запасы истощились, и поселок прекратил свое существование. Люди перебрались кто в Ураловку, кто в Овсянку или Зею. Дома большей частью оказались невывезенными. И ничего не осталось им, как смотреть на мир пустыми глазницами выбитых окон...

Неподалеку от впадения Тыгды в Зею замечаем на берегу фигуру человека. После многодневного путешествия это в радость. Подплываем, знакомимся. Александр Харьковский, инженер-таксатор Амурской лесоустроительной экспедиции. База его отряда находится на реке Оргулек, устье которой мы миновали полчаса назад. Пройти

